

Народный артист СССР, певец Евгений Нестеренко:

«У МЕНЯ ТРУДНАЯ ПРОФЕССИЯ»

КАК ни странно, перед Евгением Нестеренко не стояла проблема выбора профессии.

Двадцать лет назад, после окончания челябинской школы № 58, твердо решил стать строителем. И настолько велика была тяга к этой профессии, что учиться он решил поехать в один из лучших строительных вузов страны — Ленинградский инженерно-строительный институт.

Успешно окончил ЛИСИ. Был прорабом на стройке, но...

Недавно в Челябинске солист Большого театра Союза ССР Евгений Нестеренко давал свой первый сольный концерт. Исполнял три части из цикла Д. Шостаковича для голоса и фортепиано на стихи Микеланджело, романсы Г. Свиридова и другие произведения.

После концерта наш корреспондент встретился с солистом Большого театра Союза ССР, народным артистом СССР Евгением Нестеренко.

РАССКАЖИТЕ, как случилось, что вы переменили профессию?

— Случай. А может быть, целая цепь случайностей. Сейчас в Челябинске я вспоминаю, что тогда на улице Спартака, теперь это проспект им. В. И. Ленина, в витрине книжного магазина были выставлены плакаты, посвященные Шалапину. И вот эта выставка плакатов почему-то на меня очень подействовала. Я начал слушать записи певца. И у меня возникло желание попробовать петь. А потом и уверенность, что буду петь.

Я всегда любил музыку. Когда был совсем еще мальчиком, пел, но голос ломается, и к окончанию школы голоса, естественно, не было. Но я чувствовал какое-то пробуждение голоса-баса. Правда, никому об этом не говорил.

Учился в ЛИСИ на первом курсе и, как ни странно, в конце первого курса зашел басом, и — тоже случайно — обратил на меня внимание человек, который познакомил меня с педагогом Марией Михайловной Матвеевой. Она сказала, чтобы я продолжал учиться в строительном институте, Мария Михайловна показала меня Софье Петровне Преображенской, знаменитой в своё время солистке Ленинградского академического театра оперы и балета имени Кирова. Софья Петровна посоветовала поступать в консерваторию именно в класс Василия Михайловича Луканина. Он оказался удивитель-

ным педагогом, которому я обязан всем.

Вот такая цепь, может, случайностей, а может быть, закономерностей, вывела меня на дорогу певческого искусства.

Я учился в Ленинградской консерватории на первом курсе и был студентом пятого курса инженерно-строительного института. Потом работал прорабом и был студентом второго курса консерватории.

Конечно, было трудно и хотелось что-нибудь одно бросить.

Успехи мои в консерватории были небольшие, потому что я не мог достаточно времени уделять занятиям. И я решил сделать выбор в пользу пения.

Совершенно случайно мне разрешили уйти с работы, перейти в консерваторию, хотя я еще должен был два года работать. И уже после трех лет обучения в консерватории я год проучился на дневном. Тогда-то приобрел определенный комплекс навыков и смог начать работать в академическом Малом оперном театре, на концертной эстраде.

— А что-нибудь построить вам удалось?

— Никаких особенно примечательных зданий не построил. Есть в Ленинграде, под Ленинградом дома, в возведении которых принимал участие. Да вот еще помню дом на Московском проспекте, там работал на практике как плотник.

— Известен случай, когда извозчик спросил у Шалапина:

— Барин, ты где работаешь?

— Пою.

— Ну, это мы все, как вышем, поём, а работаете-то ты где?

Встречались ли на вашем жизненном пути люди, которые не понимали тяжёлого труда певца?

— Пожалуй, нет. Сейчас,

в век телевидения и радио, все прекрасно понимают, что певец — это трудная профессия.

Ну, а истинная трудность профессии певца понятна только певцу. Скажем, я тоже не знаю всех сложностей работы врача или конструктора. О профессии артиста, о её теневых сторонах знают обычно меньше. Да и само существо профессии таково, что мы должны показывать легкость, только поверхность — фундамент не должен быть виден.

И начинается это с того, что здание театра красивое, «спекодежда» красива: фрак, смокинг, концертное платье. И все технические трудности не заметны. И репетиции, поиски, неудачи, провалы, волнения — это скрыто от зрителя. Профессия трудная. Я, например, не знаю, что такое выходной день. Практически не знаю, что такое даже какие-то часы отдыха днем, потому что мой рабочий день заполнен с раннего утра до позднего вечера.

— Расскажите, как вы готовите партии?

— По-разному. Есть партии в операх, которые создаются и к которым готовишься всю жизнь. Ну, скажем, если я спел впервые Бориса лет через 10-12 после того, как вышел на сцену оперного театра, то я все эти 12 лет и даже больше исподволь собирал какие-то материалы, исподволь готовился к роли. Не говоря уже о том, что все известные оперы мы знаем или свою будущую партию, или наиболее известные куски из неё. И все равно в копилку памяти, в копилку ума складываются собственные наблюдения, размышления, замыслы. Потом, уже во время конкретной работы над образом, когда известна дата спектакля, происходит интенсивная реализация всего накопленного. Работа с

дирижером, режиссером, контакт с партнерами. В итоге все это выкристаллизовывается очень бурно в момент выпуска роли.

А бывает так: опера только что написана. Совсем недавно я исполнял роль старого крестьянина Звамбая в опере Огара Васильевича Тактакишвили «Похищение луны», написанной специально для Большого театра. Здесь никаких старых запасов не было. И поэтому интерпретация партии создавалась в очень короткий срок на протяжении месяцев четырех.

Характер работы над такой оперой несколько иной, хотя, конечно, и для этой роли существуют заготовки. Ведь каждый человек много видит и наблюдает, тем более артист, который привыкает быть зорким. Помогло, скажем, мое пребывание в Грузии. И было очень приятно, когда после премьеры звонили знакомые артисты Грузии, говорили, что я вылитый грузин в этой опере.

Но процесс работы над ролью разделить на определенные части нельзя. Бывает ночью спишь, а в голове звучит музыка, идешь по улице и совершенно неожиданно могут появиться в воображении какие-то находки.

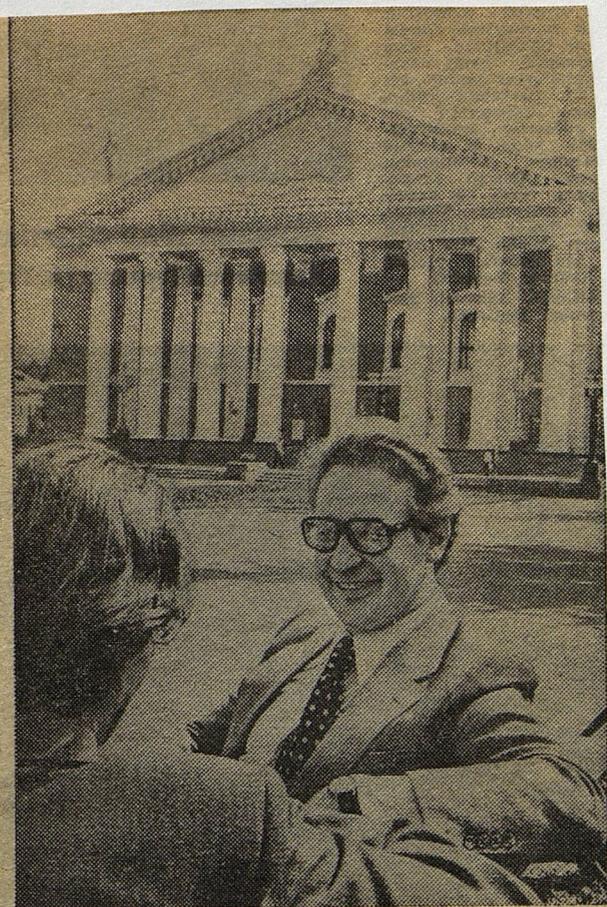
— Стендаль говорил, что «дело не в том, чтобы научиться рисовать, а в том, чтобы научиться мыслить». А у певца? Что еще важно, кроме умения петь?

— Умение мыслить, конечно, как и в любой профессии.

А голос, только голос, физиологическое качество певческого аппарата, далеко не единственное для певца.

— Где вы почувствовали силу, уверенность как певец?

— Работал уже четыре года в Малом оперном театре, в то время уже два го-

да как закончил консерваторию, и, признаться, был в тупике. Пел, особых нареканий не было, но я не получал интересных партий, все время было какое-то ко мне недоверие.

Вышло так, что я поехал в Болгарию на конкурс молодых оперных певцов. Определения, которые мне давали пресса, публика, и серебряная медаль, которую я там получил совершенно неожиданно для себя и для других, — это дало крылья. С тех пор понял, что после четырехлетней работы на профессиональной сцене все-таки смогу быть профессионалом высокого класса. И в Кировском театре как-то все пошло легко. Создавал роли, какие хотел.

— За что вы любите свою профессию?

— Причин много. Петь, очевидно, каждый хочет. Но когда человек почувствовал голос в себе, когда понял, что его душа находит выражение в звуке, — он заболел безнадежно. И потом, моя профессия дает возможность прожить жизнь многих людей.

Когда-то Пржевальский сказал: «А еще жизнь хороша потому, что можно путешествовать». Приходится много ездить, бывать во многих городах, странах. Встречаться с разными людьми, и это богатство жизненных впечатлений, конечно, тоже

достоинство профессии. (Хотя путешествия чрезвычайно утомительны. И мое желание вот уже много лет — побывать дома).

Гете говорил, что песня, которая льется из уст, сама по себе есть лучшая награда.

— Чем вы увлекаетесь? Ваше хобби?

— У меня нет увлечений, помимо моей работы. Как оперный артист я имею хобби — камерное пение, как артист я имею хобби — педагогику. Я доцент Московской консерватории и заведующий кафедрой сольного пения.

— Ваше представление о счастье и несчастье?

— Я думаю все-таки, что счастливым себя может считать человек, который занимается своим делом, к которому имеет склонность, талант. И счастье иметь семью — это тоже важно для человека.

И я могу смело повторить за Роменом Ролланом: «Музыка сделала мою душу сильной, спокойной и радостной, музыка — любовь моя и счастье».

Несчастья, конечно, мелкие и более крупные в жизни есть, и их не может не быть. Но, наверное, в жизни есть несчастье самое большое — это война. Вот это, действительно, несчастье. Против других несчастий, наверное, можно устоять.

Вела беседу Л. ЕРОФЕЕВА.